

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Тургенев!

№1 (2025)

литературный ПУШКИН

Есть места, которые становятся не просто точкой на карте, а соавторами великих историй. Таким местом был и остается Крым. Солнце, море, горы — для нас, крымчан, это привычный, почти обыденный пейзаж. Мы проходим по набережным, с которых писались стихи, мимо домов, где рождались легенды, и порой забываем вслушиваться в их шепот. Мы живем в самом эпицентре вдохновения и за суетой перестаем это замечать.

Но бывают путешественники, чей взгляд способен увидеть гениальное в привычном. Таким путником осенью 1820 года стал Александр Пушкин. Он провел в Крыму всего несколько недель, но этого хватило, чтобы полуостров навсегда впечатался в русскую литературу. «Брега веселые Салгира», тенистые кипарисы, волны, бившиеся о древние скалы, — для него это не было фоном. Это был живой организм, полный тайны и красоты, который навсегда изменил его внутренний мир и подарил нам бессмертные строки.

Этот журнал — не экскурс в историю. Это приглашение остановиться и взглянуть на родные места новым, «пушкинским» взглядом. Мы прошли по следам поэта, чтобы напомнить каждому жителю Крыма о волшебстве, что окружает нас каждый день. И, конечно, чтобы позволить всем любителям литературы из любой точки мира совершить это путешествие вместе с нами — и увидеть, где родился «Бахчисарайский фонтан», где начал свой путь «Евгений Онегин», где воздух был напоен свободой и стихами.

Перелистните страницу. Впереди — Крым, каким его увидел и полюбил гений. Давайте откроем его заново — вместе.

Полина ДРЕЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вступительное слово
2. Содержание
3. Вечные мысли Александра Сергеевича
5. «Моя работа: быть Пушкиным!»
8. Александр Сергеевич Пушкин в Феодосии: мимолетная остановка на пути к вдохновению
9. Александр Сергеевич Пушкин и Иван Константинович Айвазовский: встреча поэта и художника
11. Музей всё ещё хранит его присутствие...
14. «Неизъяснимая прелесть» пушкинского Бахчисарая
16. Гастрономическое путешествие Пушкина в Крыму
18. Пушкин в Крыму: свобода, море и творчество!
20. Редакция журнала

литературный
ПУШКИН

Вечные мысли Александра Сергеевича

Сегодня мы пробуем невозможное — взять интервью у Александра Сергеевича Пушкина. В разговоре будут затронуты темы, которые и в XXI веке остаются острыми и живыми. В этом нам помогут бессмертные произведения классика и его личные письма. На фоне тревожных событий, в условиях испытаний, через которые проходит страна, слово классика звучит особенно весомо.

— Александр Сергеевич, в наши дни мы также видим, как иные молодые умы, увлеченные чуждыми идеями, подрывают устои государства. Как, по-вашему, следует противостоять этому злу?

— Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. Не просвещению, сказано в высочайшем манифесте от 13-го июля 1826 года, но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель. Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия.

— В нынешних спорах много говорят о самобытности России. Но как определить, что есть подлинная народность?

— С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность. Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу.

— Как вы оцениваете исторический путь России, её особую роль между Востоком и Западом?

— Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработченную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...

— Александр Сергеевич, как вы ответите тем нашим и иностранным критикам, которые утверждают, что в русской традиции отсутствовало понятие о личной и родовой чести, столь ценимое в Европе?

— Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (*point d'honneur*), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и

Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри. Юный Федор, уничтожив сию гордую дворянскую оппозицию, сделал то, на что не решились ни могущий Иоанн III, ни нетерпеливый внук его, ни тайно злобствующий Годунов.

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило, – говорит Карамзин, – ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения. Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предвзвешенный сей, утвержденный демократической завистью некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?

— **Некоторые на Западе видят в России угрозу старым порядкам. А как Вы считаете, какую роль мы играем в судьбе Европы?**

— Освобождение Европы придет из России, потому что только там совершенно не существует предвзвешенных аристократии. В других странах верят в аристократию, одни презирая ее, другие ненавидя, третьи из выгоды, тщеславия и т. д. В России ничего подобного. В нее не верят.

— **Как Вы, свидетельствующий о славе и тяготах России, относитесь к тем, кто в трудный час готов отречься от Отечества, ссылаясь на его несовершенство?**

— Я далек от того, чтобы восхищаться всем, что вижу вокруг себя; как писатель я огорчен..., многое мне претит, но клянусь вам моей честью - ни за что в мире я не хотел бы переменить Родину, или иметь иную историю, чем история наших предков, как её нам дал Бог.

— **Александр Сергеевич, как вы ответите тем нашим недругам, что сегодня, как и в вашу эпоху, пытаются влезть в спор славянских народов и угрожают России?**

— О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,

Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, или верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага -
И ненавидите вы нас...

— **В чём вы видите духовную основу патриотизма, ту непреложную опору, что позволяет народу выстоять в период тяжких испытаний?**

— Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

— В ваших трудах мы находим глубокое понимание исторических судеб. Как, по-вашему, должна Россия встретить грядущие перемены, о которых предвещают мировые катаклизмы?

— Старое общество созрело для великого разрушения. Всё еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...

Патриотизм для Пушкина никогда не был отвлечённой идеей: в его строках Родина — это и родная природа, и язык, и судьба народа. Его мысли и образы помогают искать ответы на вечные вопросы: что значит любить Отчизну? Где проходит граница между личным и общим? Как сохранить человеческое достоинство и верность себе в бурю исторических перемен?

Арина ГРИНЁВА

«Моя работа: быть Пушкиным!»

Одной из самых известных постановок Государственного академического музыкального театра Республики Крым является спектакль «Дубровский», созданный по мотиву одноимённого произведения Александра Пушкина. Мы говорим с исполнителем роли поэта - Александром Савченко, чтобы узнать: какого это примерять на себя образ великого литератора.

Творческие роды в машине

— Итак, как вы стали Пушкиным?

— Как-то с главным режиссером нашего музыкального театра – Владимиром Косовым - ехали на моей машине на работу. И ему позвонил композитор Ким Брейтбург, который написал музыку к этому замечательному мюзиклу «Дубровский». Ким выслал Владимиру либретто и все составляющие этого спектакля ну дал ему на постановку добро.

И у Косова родилась в машине эта идея. Говорит, Саня ты будешь у нас вместо, автора, там был прописан рассказчик, будешь Пушкиным. Вот оттуда это всё и началось. Приклеили бакенбарды и все говорили: вылитый Пушкин. И вот с тех пор ко мне это привязалось. Кто у нас будет Пушкиным?

И, конечно, это мое сугубо личное мнение, но очень удалась мне эта роль. Потому что и министр культуры Крыма меня окрестила Пушкиным. Говорит, а, это же Сашка Пушкин!. И мне советует, мол тебе надо и отчество поменять, ты Юрьевич, а надо быть Сергеевичем, Александром Сергеевичем.

Фото: Александр Савченко в роли А.С. Пушкина

Судьбоносная роль

— Как-то поменялось очень ваше отношение к Пушкину, к его творчеству?

— Ну, отношение, конечно, поменялось. Раньше особо не интересовался творчеством Пушкина. А сейчас даже рекомендую, у кого проблемы с памятью, учить стихотворение Пушкина, потому что помогает развиваться и мыслить. Они прекрасно написаны. Хотя, да, говорят, что Пушкин был повеса, гуляка и все остальное. Ну, творческие люди, по-моему, все такие, они яркие личности. Особенно, когда ты становишься известным, ты как на ладони вообще. Ты не скроешься от чужого взгляда. Где-нибудь там, грубо говоря, выпил 50 грамм коньяка, они скажут, что ты уже напился и дебоширишь.

Ещё я Пушкина с дочкой читал, когда она маленькая была, вместо колыбельной. Она прекрасно под них засыпала.

— **А можно ли утверждать, что Пушкин - это ваша такая самая значимая и судьбоносная роль?**

— Да, но судьбоносной может быть ее и не назывешь. Судьбоносной была все-таки доктор Айболит в начале творческого пути. Но самая яркая, конечно, самая яркая, выразительная. Судьбоносная? Не знаю, но может быть, может быть.

Отец гордился Дубровским

— **А как вы готовились к роли Дубровского?**

— Когда предстояло мне сыграть роль Дубровского, нужно было изучить биографию Пушкина, манеры, как вообще разговаривали, как вели себя в то время. И вот тогда начал изучать историю. Все-таки нужно было передать эпоху. Хоть это и мюзикл осовремененный, но все равно какое-то присутствие эпохи должно быть. Много читал Пушкина, чтобы, почувствовать его стиль, которым он писал свои стихотворения. Мне даже подарили книжку, сборник сочинения Пушкина. И подарили мне перо, тоже украшенное золотом. Потому что на сцене я там с пером «вышивал», будто сочинял историю на ходу. Задумка такова, что ты вместе со зрителем становишься соучастником написания этого романа.

— **Как эта роль повлияла на вашу жизнь?**

— Повлияло очень здорово, потому что многие меня знают теперь. Я так думаю, что 90% крымчан смотрело «Дубровского». Всегда были на этом спектакле полные залы, аншлаги. Пустых мест не было. У меня отец, он раза три, наверное, смотрел спектакль, точно. Ходил сам втихаря от меня, покупал билеты. Потому что он знал, что в театре для своих достать пригласительный очень сложно, тем более, когда спектакль идет с аншлагом. И он заранее покупал билеты и ходил на мои спектакли. Вот тогда, наверное, после того, как «Дубровский» так заиграл, начали говорить, и в городе, и на всем Крымском полуострове, отец тогда признал меня. Он гордиться начал мною, что вот все-таки, да, и признал, наверное, свою ошибку, но об этом не говорил, но, да, артистом, да, можно быть и я на правильном пути. Он мне и календарики печатал. Я в образе Пушкина стою с поднятым пером, Говорил, будешь поклонникам своим раздавать. Он гордился, гордился.

Переключиться в моменте

— **Чувствовали ли вы особую ответственность за такую роль?**

— Конечно, но вообще это относится к любой роли. Если тебя назначили, значит тебе режиссер

доверяет, значит что-то в тебе видит. И естественно ты чувствуешь ответственность. Ответственность за то, чтобы оправдать это доверие. И к этому нужно готовиться. Конечно, когда там первый, второй спектакль, ходят артисты и нервничают, переживают немного, чтобы не ошибиться где-то, чтобы правильно, эмоционально эту роль подать в нужном направлении, указанном режиссером. Но бывает так, что уже с пятым, десятым, двадцатым спектаклям оно немного замыливается, но все равно вот это вот ощущение, как бабочки в животе, такая вот нервозность, немножко переживания, эти вот чувства остаются, и они подстегивают на то, чтобы ты работал в полную силу, а не в пол ноги. Зритель же не виноват, который пришел смотреть этот спектакль.

— **А добавляли ли вы что-то своё в эту роль?**

— Да, конечно. У режиссёра есть чёткий план действий, он тебе даёт направление. А то, как ты к этой цели придешь, ты уже ищешь сам. Я вот придумал такую штуку и предложил режиссеру Владимиру Анатольевичу. Там есть в финале, когда стреляет Дубровский в жениха Машеньки, и, роман-то не законченный, там есть такие строчки: «Последний поворот в сюжете, героев меркнет силуэт, печальнее на белом свете, историй не было и нет». Я выбегаю с заднего плана, а Дубровский достает пистолет, звучит выстрел, и я в этот момент подхожу, как в замедленной съемке, подпрыгиваю и как будто ловлю пулю. И я вот поймал эту пулю, и ради, может быть, шутки, а может быть и нет, но вот мне захотелось, что-то все-таки должно в руке лежать. Я пошел у бутафоров взял серпантин новогодний. И когда я договорил эти строчки, я открывал ладошку и выдувал оттуда серпантин. Она растворялась. Чем закончилась, непонятно. Вот такую находку я предложил и ее утвердили. И по сей день ее используют в спектаклях.

Фото: Александр Савченко в роли А.С. Пушкина. Россия1

— А что вам помогало переключиться в моменте?

— В моменте? Ну, это же не так сразу происходит. Все равно настраиваешься, ты приходишь к спектаклю и готовишься как минимум за 45 минут. А когда был в “Дубровском”, я приходил за полтора часа до начала, чтобы спокойно загримироваться, Потому что очень был сложный грим. Грумер надо мной долго колдовала, минут до 30 иногда даже доходило. Плюс кудри сделать на моих волосах. Парик я не использовал никогда. Когда работал в “Дубровском”, я специально отращивал волосы до такого состояния, чтобы можно было кудри сделать. Даже летом не получалось особо подстричься, потому что спектакль фактически шел каждый месяц.

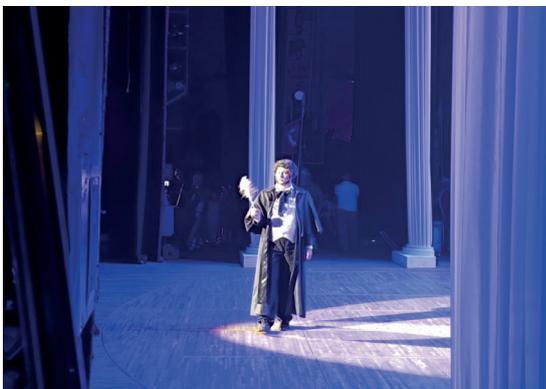

Фото: Александр Савченко в роли А.С. Пушкина

Поцелованный Богом

- На сколько я знаю, вы уже не работаете в театре. Дубровского играет другой актёр... А как же Пушкин - «умер»?

- Пушкин — живет всех живых. Но вы правы: я сейчас занимаю должность председателя Крымской республиканской организации Общероссийского профессионального союза работников культуры. У меня должность бумажная. Но я немножко понабиваю себе цену, как говорится, но все-таки иду и работаю Пушкином.

На акции “Великое русское слово”, на “Белый цветок” меня приглашают Пушкином выступить. И я думаю, что до гробовой доски от меня это не откажется. Я говорю, слушайте, но уважайте уже мой возраст. Пушкин, когда умер, ему сколько было? 37? И я уже давно к театру не имею никакого отношения.

И вспоминаю, да, старые моменты. Конечно, скучаю по театру, не без этого. Уже почти 10 лет прошло, как я ушел оттуда, но там я на секундочку 17 лет обслужил искусство. За это время театр стал родным домом.

— Вот если бы вы вернулись обратно, что бы вы поменяли?

— Ничего бы, я бы возвращался обратно, потому что пройденный путь есть пройденный путь Все, что мы сделали, все хорошее, плохое, все остается, конечно, сделано И ничего в этой жизни уже не вернешь, ну и жалеть об этом не надо Ты идешь своей дорогой, выбираешь, у тебя всегда открыты несколько дверей Ты сам выбираешь, какую дверь тебе идти.

— И как бы вы описали своего Пушкина несколькими словами?

— Несколько словами своего Пушкина? Я бы охарактеризовал его так: он сдержанный, статный, высокий. Ну и конечно же... Поцелованный Богом.

Фото: Архив Александра Савченко

Арина ГРИНЁВА

Пушкин в Феодосии

Александр Сергеевич Пушкин в Феодосии: мимолетная остановка на пути к вдохновению

«... Одни развалины, но развалины живописные»

Летом 1820 года за свободолюбивые стихи и эпиграммы на влиятельных людей империи, включая самого императора Александра I, Александр Пушкин был отправлен в ссылку. Правда, не в кандалах и не в Сибирь, а в Крым.

16 августа 1820 года А. С. Пушкин ступил на землю древней Кафы — так в старину называли Феодосию. К слову, топоним «Феодосия» возник раньше, чем «Кафа».

Мы стоим у бронзовой фигуры поэта в сквере, носящем его имя. Наш гид по пушкинской Феодосии — младший научный сотрудник Феодосийского музея древности Виктор Усолкин.

— Памятник поставлен именно на этом месте — без исторической привязки, — рассказывает Виктор. — В 1974 году отмечали 175 лет со дня рождения Пушкина. Город решил установить монумент здесь, в центре. Наверняка Александр Сергеевич здесь ходил, пусть и недолго — всего два дня.

Это путешествие стало для поэта вынужденной ссылкой. Формально переведённый по службе в кишинёвскую канцелярию, Пушкин под предлогом поправки здоровья, подорванного купанием в Днепре в Екатеринославе, отправился в Крым вместе с героем Отечественной войны 1812 года генералом Николаем Раевским и его семьёй. Эта поездка, начавшаяся как изгнание, превратилась в целебное странствие, полное новых открытий. Дорога пролегла через Тамань и Керчь. И так, 16 августа 1820 года Пушкин оказался в Феодосии. Город поразил его сочетанием эпох и культур: армянские церкви соседствовали с восточными лавками, узкие улочки петляли между домами, а над всем этим возвышались башни Генуэзской крепости. Каждый камень Феодосии, некогда могущественной Кафы, казался хранителем памяти.

Свое первое впечатление о Феодосии Пушкин выразил в письме к брату Льву Сергеевичу 24 сентября 1820 года: «Из Керчи приехали мы в Кафу, остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом — и, подобно древнему Вергилию, разводит сад на берегу моря... Он имеет большие сведения о Крыме, стороне важной и запущенной».

— Семья Раевских и Пушкин остановились у этого самого Семёна Броневского, бывшего градоначальника, находившегося в немилости, — поясняет Усолкин. — В письме брату Пушкин добавлял с иронией: «...осуждён он безвинно, как всякий честный человек».

Прогуливаясь по старой части города, Пушкин, вероятно, проходил через Золотые ворота — парадный вход в средневековую Кафу. Для поэта, чьё воображение всегда откликалось на исторические символы, это место стало точкой пересечения прошлого и настоящего. Ворота были для него не просто руиной, а хранителем ушедших эпох. Город казался «тихим, провинциальным, усталым» — таким Пушкин увидел Феодосию.

В целом Феодосия оставила у поэта тягостное впечатление. Это не был оживлённый порт или курорт, каким он станет позже. Узкие улицы, скромные лавки, руины крепости — всё говорило о былом величии и теперешнем запустении. Как отмечает Виктор Усолкин: «Феодосия, именуемая ранее Кафа, показалась Пушкину скучной».

Неудивительно, что «скучная» Феодосия не породила отдельного стихотворения. Однако именно здесь, среди древних развалин и тишины, рождались размышления о судьбе Крыма и его народов, которые позже отразятся в творчестве поэта.

Пушкину тяжело давалась изоляция. В столице он был знаменит, а здесь — никем не узнаваем. Это чувство одиночества усиливалось и бытовыми неудобствами. В письме к другу Антону Дельвигу он писал: «В Крыму жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом...» За этой бравадой скрывалось чувство отрешённости: «Никто не знает, кто я... всё это создаёт странное чувство одиночества».

Тем не менее Пушкин активно исследовал город: ходил по улицам, осматривал руины, старые кладбища и храмы. «Доселе видел я одни развалины, но развалины живописные», — писал он брату. Даже эти живописные руины навевали грусть, ощущение утраченного духа места.

Но великий поэт умел находить красоту и поэзию в простом. Его внимание привлекала природа: «Река тихо течёт, кроны деревьев колышутся на ветру, и всё это создаёт особую прелесть». Морские виды также вдохновляли его.

— В Феодосии Пушкин пробыл недолго, — отмечает Усолкин. — Его пребывание в нашем городе напоминает Пушкинский грот на территории санатория Министерства обороны. По преданию, поэт любил бывать там. Сегодня это одно из немногих мест, связывающих Феодосию с его именем.

Из Феодосии Пушкин морским путём отправился в Гурзуф — имение Раевских. «Уже 18 августа на корабле “Мингрелия” Пушкин из Феодосии отбывает в Гурзуф», — приводит краевед. Это было первое в жизни поэта морское путешествие, поразившее его масштабом и красотой. В письме к Дельвигу он вспоминал: «С полуночи ветер затих; море померкло... Я не спал ночь. Луны не было, звёзды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы...»

Это плавание стало для него символом освобождения — переходом от тягостной ссылки к вдохновляющему путешествию. Именно Южный берег Крыма произвёл на Пушкина неизгладимое впечатление. В Гурзуфе он писал: «Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы... В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество».

Феодосийцам же осталась память о коротком визите великого поэта. Сегодня в честь Пушкина названа улица, установлена мемориальная доска и памятник в Пушкинском сквере. Бронзовый монумент, открытый в 1974 году к 175-летию со дня рождения поэта, стал символом этой мимолётной, но значимой остановки.

Хотя Пушкин провёл в Феодосии всего два дня, этот краткий миг оставил след в его восприятии Крыма. Феодосия стала для него рубежом — переходом от вынужденной ссылки к свободному вдохновению, от серой рутины к поэтическому созерцанию природы. Этот короткий эпизод стал началом «крымского мифа», воплощённого в его южных поэмах — «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник».

Гамлет ПРАЗЯН

Александр Сергеевич Пушкин и Иван Константинович Айвазовский: встреча поэта и художника

Когда в крымском воздухе сошлись пути Александра Сергеевича Пушкина и Ивана Константиновича Айвазовского, это было не просто событие биографии — это была встреча двух стихий, двух миров, двух гениев, для которых вдохновение было не ремеслом, а дыханием. Один владел стихией слова, другой — стихией света и воды. Пушкин и Айвазовский, встретившись на перекрёстке судеб, словно узнали друг в друге родственную душу: поэта и художника, способных говорить с миром языком вечности. Их беседа — пусть короткая, почти случайная, — стала моментом, где соединились поэзия и живопись, звук и цвет, слово и море.

Феодосия, город Айвазовского, и Таврида, воспетая Пушкиным, — место, где земная красота словно отбрасывает тень вечности. Когда летом 1820 года Пушкин впервые ступил на крымскую землю, Айвазовскому было всего три года. Поэт восхищался южной природой, светом, морем — той самой стихией, которая спустя десятилетие станет для молодого художника смыслом жизни. Они не могли встретиться тогда, но сама судьба, кажется, готовила их духовное пересечение.

Ведь Пушкин в своих строках впервые создал образ моря как живого существа, как символа свободы и бесконечности. А Айвазовский через двадцать лет перенёс этот поэтический образ на холст, превращая слово в краску, ритм — в движение волны.

Когда Айвазовский был ещё юношей, он читал Пушкина, как читают море — бесконечно, с трепетом, с желанием услышать скрытую глубину. Стихи поэта стали для него откровением, в котором он увидел своё собственное призвание. Море у Пушкина было не просто фоном, не пейзажем, а символом внутренней воли, метафорой человеческой души, вечно стремящейся к простору. Айвазовский, видя эти же волны у родных берегов Феодосии, словно продолжал пушкинскую мысль кистью. Его картины стали продолжением пушкинской поэзии — тем, что нельзя сказать словами, но можно показать светом, туманом, вспышкой на гребне волны.

И всё же судьба подарила им мгновение реальной встречи. Это было летом 1836 года. Пушкин, уже прославленный поэт, ехал через Крым, а Айвазовский, недавно окончивший Петербургскую академию художеств, находился здесь на практике, работая над морскими этюдами. По свидетельствам современников, их разговор длился недолго, но оставил глубокий след. Пушкин с интересом рассматривал наброски молодого художника и, по преданию, произнёс: «Пиши море, молодой человек. Оно тебе никогда не изменит». Эти простые слова стали для Айвазовского не советом — пророчеством. В них была суть его будущего пути: верность одной теме, в которой отражается весь мир.

Пушкин и Айвазовский словно обменялись дарами. Поэт передал художнику силу слова, которая превратилась в силу света. Художник, в свою очередь, подарил поэту бессмертие в изображении. Спустя годы Айвазовский напишет свою знаменитую картину «Пушкин на берегу Чёрного моря» — не портрет, а гимн. На полотне поэт стоит на прибрежной скале, глядит вдаль, а море перед ним — живое, бескрайнее, дышащее. В этой картине нет случайных мазков: каждый оттенок волны, каждый проблеск солнца кажется продолжением пушкинского стиха. Художник не просто изображает — он вспоминает, молится, благодарит.

Айвазовский часто говорил, что море для него — не пейзаж, а собеседник. Пушкин чувствовал то же по отношению к слову. Оба они видели в своём деле не технику, а откровение. Когда Пушкин писал: «Прощай, свободная стихия», он, как и Айвазовский, говорил не о воде, а о душе, жаждущей бесконечного. Их творчество объединяло понимание того, что красота — это не форма, а дыхание жизни. Айвазовский писал море, как Пушкин писал человека: страстно, свободно, с внутренним светом и тихой печалью.

После смерти Пушкина художник много лет не мог избавиться от чувства утраты. Он говорил, что смерть поэта — это как буря, прошедшая над Россией, оставившая в небе вечный след. Тогда же он задумал создать серию полотен, посвящённых памяти поэта. Среди них — «Пушкин у моря», «Буря у Гурзуфа», «Прощание Пушкина с морем». В этих картинах Айвазовский не изображает реальность, он создаёт видение, где море становится символом поэзии, а поэт — воплощением вдохновения. Художник как будто чувствует, что в каждой волне живёт ритм пушкинского стиха, а в каждом свете рассвета — отблеск бессмертной лиры.

Айвазовский понимал, что искусство, подобно морю, не знает границ. Как волна повторяет волну, так одно вдохновение рождает другое. В Пушкине он видел не только гения, но и родственную душу — человека, чьё творчество дышит тем же ветром, что и его собственные картины. Образы пушкинских бурь, звёздных ночей, далёких странствий — всё это было близко художнику, выросшему на берегу моря. Его кисть превращала поэзию в живопись, его море становилось зрительным воплощением пушкинского «вдохновения, без сна и покоя».

С годами связь между ними только крепла. Айвазовский не уставал обращаться к пушкинской теме. Когда в 1880 году в Москве открыли памятник поэту, художник был среди тех, кто передавал свои работы для выставки, посвящённой событию. Позже, уже в родной Феодосии, он активно участвовал в создании пушкинских мемориалов, помогал обустроить сквер и площадку у памятника. Для него это было не просто дань памяти, а продолжение разговора, начатого десятилетия назад на берегу моря. Он писал картины, где пушкинские мотивы и морские дали сливались в одно — в музыку света и ветра.

В своих письмах и дневниках Айвазовский не раз возвращался к теме поэта. Он называл Пушкина «вдохнителем русской души», говорил, что его стихи «поют в волнах». В одной из заметок художник написал: «Я часто вижу его, когда пишу. Он стоит на скале, в чёрном плаще, и смотрит туда, где небо сливается с морем». Это видение стало для него образом вечности. В каждом шторме, в каждом закате Айвазовский видел не просто игру света, а продолжение пушкинской мысли — мысль о свободе, о неугасимости творческого духа.

Феодосия, родина Айвазовского и город, где по бывал Пушкин, стала невидимым узлом их судеб. Здесь оба почувствовали дыхание древности, силу истории и бесконечность горизонта. Здесь, где старинные башни глядят на море, сохранилась память о двух творцах, для которых вдохновение было выше времени. Их пути пересеклись не ради случая, а ради символа. Поэт дал художнику слово, художник вернул поэту образ.

Сегодня, стоя на берегу, где волны перекачиваются у подножия генуэзских стен, можно представить, как рядом стоят двое — поэт и художник, каждый погружённый в свою тишину, но слышащий одно и то же. Море шумит, ветер шепчет, и кажется, будто само время замирает, чтобы вслушаться в их молчаливый разговор. Айвазовский и Пушкин не просто встретились — они соединились в вечности, в том мгновении, где слово становится светом, а свет — стихом.

Феодосия хранит их обоих. Здесь стоят памятники, висят картины, звучат стихи. И каждый, кто приходит к морю, чувствует, что оно помнит их шаги. Пушкин оставил в этих местах дыхание поэзии, Айвазовский — дыхание моря. А вместе они оставили России бесценный дар — ощущение бесконечного вдохновения, которое не знает границ и времени.

Так встреча поэта и художника превратилась в символ преемственности. Пушкин научил Айвазовского слышать море, а Айвазовский научил нас видеть поэзию. Они словно продолжают разговор — не голосом и не кистью, а самой сущностью искусства, в котором вечность живёт под звуки прибоя и ритм строк. И, может быть, каждый, кто остановится у картины «Пушкин на берегу Чёрного моря» или прочитает прощальные строки «К морю», ощутит ту же тайную связь — дыхание свободы, любви и света, которое соединяет слово и волну, поэта и художника, человека и вечность.

Гамлет ПРАЗЯН

ГУРЗУФ

Музей всё ещё хранит его присутствие...

Александр Сергеевич Пушкин провёл в Гурзуфе 17 дней. Всего лишь 17 дней. Но как это отразилось на его жизни и нашей истории.

Есть города, которые живут в тени великих имен. Гурзуф — один из них. В его узких улочках и садах слышится отголосок стихов, написанных молодым Пушкиным. Приезжая сюда сегодня, мы видим не только курортный пейзаж, но и живую страницу истории, где прошлое и настоящее переплетаются удивительным образом.

На набережной Гурзуфа стоит дом, построенный по распоряжению герцога Ришелье в начале XIX века. Когда в августе 1820 года сюда приехал Александр Сергеевич, дом был новинкой, настоящим символом европейского стиля на южном берегу Крыма. Пушкин поселился в мансарде вместе с Николаем Раевским-младшим. Отсюда открывался вид на море, горы и молодые деревья парка.

Сегодня дом отреставрирован и является единственным музеем поэта в Крыму. У нас есть редкая возможность пройти по тем же залам, где когда-то звучал смех дочерей Раевского, где Пушкин читал свои первые строки и обсуждал переводы Байрона. В витринах музея — подлинные вещи, книги, письма. Но главное — воздух этого места. Он всё ещё хранит ощущение того самого августа: свежесть моря, аромат винограда, шум листвы. Правда здание понесло некоторые изменения. Изначально первый этаж этого дома был нежилым полуподвальным помещением. Жилым он стал, когда домом владел уже Михаил Семенович Воронцов.

Музей сейчас украшают замечательные мраморные лестницы, чугунные колонны и перила. Они появились, когда собственником дома был уже Иван Иванович Фундуклей. Также при нем была благоустроена придомовая территория и появился мраморный фонтан, который находится прямо у входа в здание.

Сейчас это настоящий памятник архитектуры. Также отличительной чертой является то, что при Пушкине вход в этот дом был не с центра строения, а с боковой, противоположно западной стороны. Он был встроен в косогор и Герцог и его гости, а затем и Пушкин с Раевскими попадали через этот единственный боковой вход и выход прямо в центральную гостиную где сейчас находится самое сердце современного музея. И вот сейчас трудно представить себе, что этот дом — первая постройка в европейско-греческом стиле на южном берегу. По тем временам здание считалось высотным строением. Ничего подобного здесь до той поры не было.

Это и понятно. Рядом располагалась всего лишь небольшая татарская деревушка на 40 дворов. Поэт провёл здесь всего семнадцать дней — с 19 августа по 5 сентября. Но именно эти дни стали для него особенными. Он писал потом в письмах: «Свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я сам люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского...»

Мы тоже знаем это чувство. Неделя или две у моря пролетают, как один миг. Возвращаясь домой и ловишь себя на том, что именно эти короткие дни греют сердце всю зиму. Так же и Пушкин возвращался мысленно в Гурзуф — в письмах, стихах, воспоминаниях.

Особая история — пушкинский кипарис.

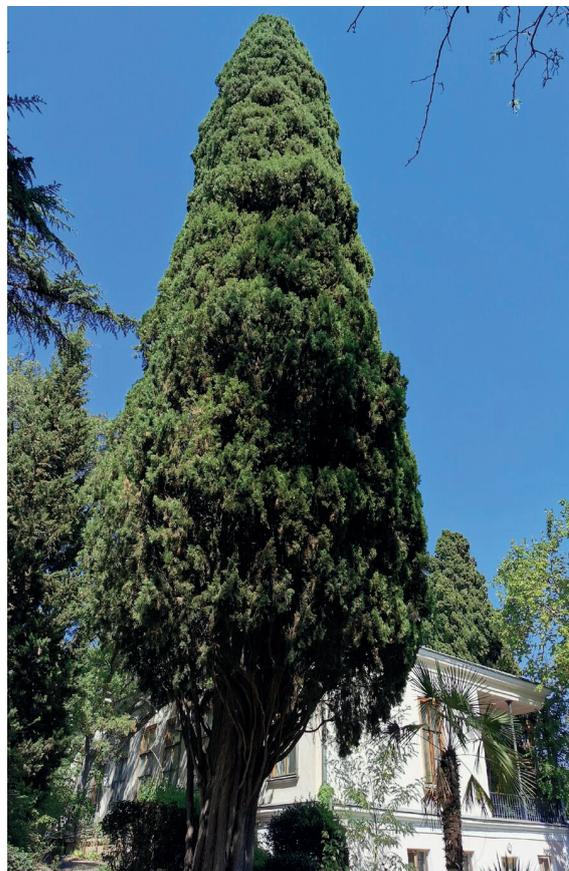

Фото автор: киаприс

Поэт признавался, что каждый день приходил к дереву «с чувствами, похожими на дружество». Для нас это кажется трогательной романтикой. Но подумайте: разве мы не так же трепетно относимся к памятным местам? Сколько фотографий в соцсетях с этим самым кипарисом, сколько людей обнимают его, словно старого знакомого! Экскурсовод в музее вам скажет: «Но помните, пожалуйста, что дерево мемориальное. Не оторвите на память какую-нибудь шишечку или веточку. Через музей проходят тысячи экскурсантов. Каждый по шишечке оторвет, и от дерева ничего не останется.» В этом — удивительное сходство. Пушкин писал о природе так, будто разговаривал с ней. Мы делаем то же самое, только наш язык — фото и видео. Но стремление одно — оставить память о встрече с чем-то большим, чем мы сами.

видео. Но стремление одно — оставить память о встрече с чем-то большим, чем мы сами.

Интересным научным и историческим фактом является то, что дом-музей ещё называют воздушным замком. Знаете почему? Всё очень просто. Стоит только посетить это место, и вы сразу почувствуете всё его величие. Николай I здесь впервые был в 1816. Александр II в 1837 году, Александр I в ноябре 1825 года. Просто так государи по домам не ходили. Одного визита Императора в дом было достаточно, чтобы он получил статус дворца или замка. Поэтому у каждого есть уникальная возможность постоять на том же месте на котором когда-то стояли по-настоящему великие исторические личности.

Что касается важных нюансов современного музея. Так это памятный знак, который находится прямо напротив входа в дом. Илья Викторович — работник музея и экскурсовод поделился с нами: «Памятный знак, установленный в честь поэта в 1973 году — это объект культурного наследия республиканского значения, памятник архитектуры. Его автор и народный художник Астер Ковалев и архитектор Миргородский. Четырёхгранная мраморная колонна на лицевой стороне, стилизованный автопортрет поэта 30-х годов XIX века. А вот с северной стороны, слева, выгравирована надпись о том, что это дом Раевских. Это ошибка. Раевские здесь были с Пушкиным всего 17 дней.

Фото автора

Этот дом Ришелье. Понимаете? Досадная ошибка, допущенная авторами. Но это объект культурного наследия, республиканского значения. Памятник архитектуры, защищенный авторским правом. В общем, к нему подступиться нельзя. Мы только отсылали письма с бесконечными обращениями. Все это затянулось на десятилетия. И я так понимаю, что, скорее всего, так и останется эта ошибка навсегда. А самое обидное, когда сюда приезжают газетчики и телевидение, они не уточняют всех этих деталей, просто все это снимают, потом выпускают миллионными тиражами, и люди повторяют вот эту вот

глупость и входят в заблуждение.»

Здесь, в Гурзуфе, рождается замысел «Евгения Онегина». В письмах к друзьям Пушкин признавался: «Там колыбель моего Онегина». Это не просто факт литературной истории — это пример того, как всего несколько дней могут стать переломным моментом. Самые важные идеи часто появляются в дороге, в чужом доме, под шум моря. Конечно, Гурзуф изменился. Вместо маленькой татарской деревушки — курорт с гостиницами и набережной. Вместо каравана с лошадьми — туристические автобусы. Но море шумит так же. Вечерами над горами поднимается такой же розовый свет. И если закрыть глаза, можно представить: где-то рядом идёт Пушкин, слушает море и думает о том, как это мгновение превратить в стих.

Фото автора

Гурзуф учит нас тому, чему когда-то научил и его: ценить момент, наслаждаться простыми вещами, любить мир вокруг. И, может быть, именно поэтому, проходя по залам музея или сидя на камне у моря, мы вдруг чувствуем: Пушкин не прошлое, он наш современник.

Виктория ТИХОНЕНКО

В Бахчисарае...

«Неизъяснимая прелесть» пушкинского Бахчисарая

«Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? Или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?», — эти слова из письма Александра Пушкина барону Антону Дельвигу научный сотрудник и мой экскурсовод Ольга Пугач знает наизусть.

Мы идём с Ольгой Ивановной по двору Бахчисарайского дворца-музея. Таким же хмурым сентябрём 1820 года, насладившись видами Гурзуфа, Пушкин с мужской частью семьи Раевских продолжает путешествие по Крыму. Через города южного берега они отправляются на западную часть полуострова — мимо Балаклавы в Георгиевский монастырь. Оттуда Александр Сергеевич и его спутники добираются в Бахчисарай, столицу Крымского ханства, сохранившую очертания настоящего восточного города.

— Путешествие вдохновило поэта на создание двух произведений: «Фонтану Бахчисарайского дворца» и «Бахчисарайский фонтан», — рассказывает экскурсовод. — По легенде, услышанной поэтом, хан Крым-Гирей приказал воздвигнуть «Фонтан слёз» в память о своей возлюбленной Диляре-Бикеч, погибшей в совсем юном возрасте. Вода в фонтане стекает по мраморным плитам из верхней чаши в две меньшие, словно мужская скупая слеза, оплакивающая потерянную любовь. Высеченный знак бесконечности символизирует вечную тоску хана по девушке и бессмертную силу чувств. Эта история любви и вдохновила его на создание поэмы «Бахчисарайский фонтан».

— В поэме Пушкин оставляет судьбу возлюбленной хана такой же трагичной: из ревности ее убивает наложница Зарема, не сумев совладать с чувствами, за что хан позже казнит её, — напоминает Ольга Ивановна.

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...

Фото автора

Эти строки Ольга Пугач произносит на месте у странного для европейского взора сооружения, называемого фонтаном, который представляет из себя мраморную стеллу, по которой из одной чаши в другую капает вода, напоминая слезу. — Пушкина впечатлил Бахчисарайский дворец, — продолжает Ольга Ивановна. — Еще до визита в город поэт слышал о «странном памятнике влюбленного хана», как он выразился, но впервые увидел его вживую. Александр Сергеевич вышел в сад, сорвал две розы и положил их на чаши фонтана. С тех пор работники музея, выражая дань уважения поэту, прославившему Бахчисарай и Ханский дворец своими произведениями, следят, чтобы в чаше фонтана всегда были две розы...

«Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы».

Мы снова выходим во двор дворца-музея. Повсюду нагромождены строительные балки и леса. В такт экскурсии стучат молотки. Уже шесть лет во дворце идут реставрационные работы.

— По плану, к декабрю 2026 года объект будет готов, — заверяет экскурсовод. — Запустят один из фонтанов, ранее не функционирующий более пятидесяти лет, а также возобновятся экскурсии по всей территории памятника крымской культуры.

Это не первые изменения, произошедшие в Ханском дворце. Со временем это место обрастало не только новыми постройками, но и своими историями и легендами.

— В XVII веке на территории Персидского дворика была воздвигнута Соколиная башня, — говорит Пугач. — Она возвышалась над гаремом и по преданию туда разрешалось подниматься только наложницам, чтобы осмотреть владения хана и полюбоваться красочными видами Бахчисарая. В XIX веке постройку укоротили, сделав двухэтажной. Неизвестно, видел ли Пушкин большую возвышающуюся башню или застал уже измененную версию?

Не каждому удалось бы побывать в Персидском дворике и застать Соколиную башню — всё-таки территория гарема строго охранялась, а покой наложниц не беспокоили. По словам Ольги Пугач в гаремы долгое время не пускали даже историков — «харам». Пушкин увидел развалины гарема и ханское кладбище. Сам поэт отмечает, что ему это было неинтересно — во время визита Бахчисарая его мучила лихорадка.

Еще одной постройкой, которую Александру Сергеевичу застать не удалось, является Александровский фонтан. Его соорудили в 1828 на средства, собранные крымско-татарской общиной. По рассказам местных жителей, император Александр I, посетивший Бахчисарай в 1818 и 1824 годах, оставил о себе хорошую память у местного населения: при встрече с народом щедро раздавал деньги и подарки.

Пушкин посетил Бахчисарай за восемь лет до постройки, поэтому увидеть своими глазами фонтан не мог. Может быть, он бы вдохновил поэта на создание еще одной поэмы.

— Ханский дворец оставил у Пушкина двойное впечатление: вместе с вдохновением, поэт ощутил и разочарование, — предполагает Ольга Ивановна. — В своём «Путешествии в Арзрум» поэт упоминает, что во дворе дворца увидел знаменитый фонтан, а «из дохлой трубы капля по капле воду точила». Александр Сергеевич пишет, что обошёл дворец с досадою на пренебрежение, в котором он истлевал. От прежнего ханского величия оставалось мало — ветхие лестницы, развалины, почти иссякший фонтан и «дремлющий в забвенье» дворец. Отдельно поэт выделил «полуевропейские переделки некоторых комнат», отличавшихся от первоначальной восточной архитектуры постройки. После пожара в 1736 году здание было отреставрировано и часть помещений были изменены под западный стиль, что так не понравилось писателю.

По мнению нашего гида — научного сотрудника, у Пушкина не сложилось четкого мнения о Бахчисараяе и ханском наследии — несмотря на критику построек, он посвятил этому месту ни одно произведение. Причем написал он их не сразу после путешествия, а спустя четыре года: — Александр Сергеевич не был восхищен дворцом, находившемся в запустении. «Бахчисарайский фонтан» — это чистая романтическая фантазия, основанная на услышанной легенде. Однако запустила работу этой фантазии именно поездка в Крым. Сами местные жители же с гордостью говорят о путешествии писателя и считают, что его произведения прославили город и дворец. Вот и в письме Дельвигу поэт признается — Бахчисарай был оставлен им с равнодушием, но именно он имеет для него прелесть «неизъяснимую».

Владислава РЕЗНИЧЕНКО

Фото: Ольга Пугач — эксперт

Гастрономическое путешествие Пушкина в Крыму

Когда Пушкин в августе 1820 года ступил на землю Крыма, он был не только прославленным гением, но и опальным чиновником, высланным из Петербурга за крамольные стихи. К своему вынужденному турне в Крым, Александр Сергеевич уже успел издать «Руслана и Людмилу». Путешествие вольнодумца с семьей генерала Раевского стало для 21-летнего поэта лекарством для души и, без преувеличения, творческим перерождением. И в этом калейдоскопе ярких впечатлений — божественная природа, воспетая древними, пленяющий берег Черного моря, виды Гурзуфа и тайны Бахчисарая — нашлось место и вполне земным, гастрономическим образам. Еда, в его крымском опыте, была не просто едой, а частью романтического флера, символом иного, страстного и чувственного мира.

Пушкин попал в Крым, который еще хранил мощный отпечаток Востока. Всего за несколько десятилетий до его визита полуостров был центром Крымского ханства. Воздух еще не успел выветрить ароматы восточных пряностей, а на рынках звучала татарская речь. Для поэта, зачитывавшегося Байроном и грезившего экзотикой, эта «ориентальность» была бесконечно пленительна. Она проявлялась во всем, в том числе и в еде.

В путевых записках и в знаменитом письме Дельвигу Пушкин с упоением описывает быт и нравы. Хотя детальных кулинарных рецептов он не оставил, мы можем реконструировать его гастрономический маршрут через его творчество и исторический контекст.

От кофе в Бахчисарае до вин Гурзуфа

Одно из самых известных «вкусовых» упоминаний связано с Бахчисараем. В поэме «Бахчисарайский фонтан» еда становится частью роскошного и томного гаремного быта:

«Приносят кофе ему ароматный,
И входит евнух благовидный и хладный
В покой, где резвятся молодые жены
Среди благовоний и прохладной пены».

Здесь кофе — не просто напиток, а символ восточного ритуала, неги и чувственности. Можно предположить, что и сам Пушкин, глядя на «развалины гарема» и слушая журчание фонтана, пил тот самый «ароматный» кофе, погружаясь в атмосферу ушедшей эпохи.

В Бахчисарае местные жители с гордостью вспоминают известные произведения Пушкина, вдохновленные городом. Совсем недалеко от Ханского дворца расположилось кафе с громким названием: «Le café ПУШКИНЪ».

Нам удалось поговорить с работниками этого уютного дворика. Администратор Александр ответил на интересующие нас вопросы:

- У вас есть блюда, которые ел сам Александр Сергеевич?

- Сейчас нет, но планируем обновить меню и добавить еду из произведений писателя. Раньше был «завтрак от няни» - блины по рецепту няни Пушкина, Арины Родионовны.

- Почему решили открыть кафе, посвященное писателю именно здесь?

- Пушкин посетил Ханский дворец, решили поблизости сделать заведение, которое в наших фантазиях он мог бы и посетить во время своего путешествия. Уверен, его бы заинтересовало меню, и классик обязательно оценил бы сервис.

Город и вправду подарил писателю вдохновение: Пушкин посвятил Бахчисараю поэму «Бахчисарайский фонтан» и стихи.

Но главным гастрономическим впечатлением Крыма для Пушкина, без сомнения, стало вино. В Гурзуфе, где поэт провел три интереснейшие недели, его гостеприимно разместило семейство Раевских в доме герцога Ришелье. В том самом доме, где был великолепный винный погреб. Виноградники Южного берега уже тогда славились своими урожаями. Пушкин, по его собственному признанию, «с ума сходил» от здешней природы, а вечера проводил в обществе Раевских, наслаждаясь крымскими винами и обществом дочерей генерала.

Эти впечатления вылились в восторженные строки из «Евгения Онегина», которые он напишет позже, вспоминая Крым:

«Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор...
И столько жизни в той картине...
И все мне памятно, как ныне...»

Фото: Гора Чатыр-Даг. Пинтерест

Хотя прямо о вине здесь не сказано, этот гимн радости и полноте жизни неотделим от тех вечеров в Гурзуфе, где вино было верным спутником поэтических бесед и мечтаний.

Если бы Пушкин посетил Крым сейчас, то вновь бы не разочаровался в вине полуострова. На данный момент строятся винно-туристические комплексы в Гурзуфе, поблизости от Красной скалы.

В посёлке располагается винодельня, собирающая в себе множество сортов вин. Она производит классические десертные и ликёрные вина, а также изысканные сухие из Авторской серии «Массандры» из автохтонных и известных европейских сортов по современным технологиям. Любой желающий может побывать на дегустации, чтобы вообразить себе, что встречал Пушкин на своём пути.

«Барашек» и романтический голод

Однако крымское путешествие было не только курортом. Перевалы через горные тропы были трудны и опасны. В дороге питались просто и по-походному. В том же письме Дельвигу Пушкин иронично замечает: «По горным подъемам тащились мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то восточным обрядом». 1 Символом этой походной, суровой романтики стал для него молодой барашек. Вспоминая обед на Чатыр-Даге, он пишет: «Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! сердце мое сжалось; я начал уже тосковать о милом полудне, хотя все еще находился в Тавриде, все еще видел и тополи и виноградные лозы. Береза!..» И тут же, контрастом, следует гастрономическая деталь: «Здесь нас ожидал обед: виноградное молоко (йогурт) и красное вино показались мне приятнее

шампанского и ананасов. К обеду нашему был приготовлен барашек; я ел его с чрезвычайным аппетитом».

Пушкин с упоением описывает свое путешествие – свободолюбивый нрав Крыма покорила писателя. Обед стал дополнением дня, наполненного впечатлениями от полуострова.

Этот эпизод всё же очень показателен. Барашек, зажаренный на вертеле, простой и сытный, стал для Пушкина вкусом настоящего, а не салонного приключения. Это была еда свободы, путешественника, открывающего для себя новый мир.

Вкус вдохновения

Для Пушкина Крым стал мощным творческим катализатором. Здесь он начал работу над «Кавказским пленником», задумал «Бахчисарайский фонтан» и навсегда влюбился в образ Юга, который будет кочевать из произведения в произведение. И еда в этом личном мифе играла свою, хоть и скромную, но важную роль. Ароматный кофе был частью восточной легенды, молодой барашек — вкусом дороги и свободы, а крымское вино — напитком дружбы и вдохновения, тем самым «вином страстей», которое он будет воспевать всю свою жизнь.

Владислава РЕЗНИЧЕНКО

Пушкин в Крыму: свобода, море и творчество!

Пушкин провёл в Крыму всего три недели. Но это короткое время пребывания на полуострове потрясло поэта. Какими судьбами 19-летний поэт оказался на древней земле Тавриды? Как крымские впечатления отразились на творчестве Александра Сергеевича? На эти и другие вопросы отвечает доктор филологических наук, профессор ИММиД КФУ им. В. И. Вернадского **Владимир Орехов**.

— Почему небольшое путешествие по Крыму так запомнилось поэту?

— Начнем с того, что Пушкин не планировал поездку в Крым. На полуострове он оказался случайно, и эта случайность оказалась счастливой. Как известно, Александра Сергеевича отправили на службу в канцелярию бессарабского наместника в Кишиневе. Формально это было служебным назначением, а фактически ссылкой. Поэт не слишком спешил к месту назначения. Задержался в Екатеринославе, нынешнем Днепропетровске, где слег с простудой. И здесь ему улыбнулась удача. В городе проездом остановилось семейство Раевских, хорошо знакомое ему по Петербургу. Глава семейства – легендарный генерал Николай Раевский – предложил «ссылному» совместно совершить путешествие по Кавказу и Крыму. Приглашение было принято с радостью. Во-первых, компания составила очень хорошая: сам генерал, его юные дочери Мария и Софья и петербургский друг поэта Николай Раевский-младший. К тому же Пушкин самостоятельно никогда не смог бы осуществить такой прогулки, поскольку на Кавказе шла война, и дальше Кисловодска его вряд ли пустили бы; а Крым был еще настолько необустроен, что поездка на полуостров была чрезвычайно дорогой и тяжелой.

Ясно, что Александр Сергеевич многое слышал о Крыме, знал историю Митридата, мифы об Ифигении. Он надеялся увидеть в Керчи сохранившийся древний город, но, к сожалению, нашел лишь руины. Это, конечно, разочаровывало. Но очень скоро крымские ландшафты и климат его настолько покорили, что он называл свое пребывание в Крыму лучшими днями жизни.

— Как Пушкин проводил время в Крыму?

— Поэт приехал в Крым, как мы сейчас говорим, на отдых. Вот он и отдыхал в прекрасной компании. Как он сам вспоминал, купался в море, обедался виноградом, гулял по окрестностям Гурзуфа. Кстати, в Гурзуфе семейство Раевских и Пушкин поселились на даче Ришелье, то есть в комфорте. И еще очень важно: Пушкин оказался в атмосфере теплого семейного общения, что для него было очень важно. В семье самого Пушкина нравы были такими, что родители были сосредоточены на светской жизни, воспитание детей почти полностью было передано в ведение нянек и учителей. А потом был лицей, где ученики не только учились, но и жили. Так что Крым подарил Пушкину еще и возможность, скажем так, отдохнуть душой в условиях семейного уюта.

— Какие произведения были написаны Пушкиным во время его пребывания в Крыму?

— История с высылкой из Петербурга настолько измотала поэта, что он какое-то время вообще не писал. И вот после долгого перерыва, во время ночного перехода на корабле вдоль крымских берегов он, наконец, сочинил элегию. Она называется «Погасло дневное светило...» В Крыму он написал еще несколько текстов, но важнее, что крымские впечатления «работали» и в будущем. На них, скажем, отчасти основана поэма «Бахчисарайский фонтан». Роман «Евгений Онегин» был задуман в Крыму. Во всяком случае Пушкин называл Крым «колыбелью Онегина».

— Каково было отношение Пушкина к местной культуре и народу народам Крыма?

— Для Пушкина Крым это с одной стороны – наследие античности, а с другой – восточный колорит, который тогда был в моде по всей Европе. Следы античности Пушкин искал, но ведь их у нас не так много. С восточным колоритом было проще. Пушкин познакомился с бытом крымских татар, поближе узнал их культуру. Это, конечно, было поверхностное знакомство. Но этого хватило, чтобы написать «Бахчисарайский фонтан».

— Можете ли вы выделить какие-либо письма или записи Пушкина, которые наиболее ярко отражают его впечатления о Крыме?

— Нам известны два крымских письма поэта. Одно адресовано брату, другое – лицейскому однокашнику Дельвигу. Так вот в последнем письме есть любопытный эпизод. Пушкин рассказывает, как оказался на мысе Фиолент близ Георгиевского монастыря. По версии некоторых историков, там некогда находился древний храм Артемиды. Другие историки доказывали, что храма там никогда не было. Величественный пейзаж настолько порастил Александра Сергеевича, что он хочет верить в существование языческого храма именно здесь, и признается Дельвигу, что в этом месте начал «думать стихами»:

«К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья...»

А далее фраза: «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических». Это очень точно отражает мировидение юного поэта. Его влекло все исключительное, незаурядное, находящееся за пределами повседневности, даже за пределами реальности. Крым как раз и был местом, где фантазия могла устремиться за пределы реальности.

— Какой совет вы бы дали молодым читателям, которые хотят глубже понять магию Пушкинского Крыма?

— Если бы Пушкин ехал через Крым не верхом по горным тропам, а на машине по асфальту с пеньками по обочинам, он был бы сильно разочарован. Это плохая почва для вдохновения. Александра Сергеевича в Крыму поразила прежде всего природа: и климат, и грандиозные дикие виды, нетронутые ландшафты. Если хочешь понять Пушкина – прикоснись к тем крымским уголкам, которые еще не до конца изменены цивилизацией. Таких уголков почти не осталось. Кажется, скоро о первозданном Крыме нам будут напоминать лишь стихотворения нашего великого поэта.

Фото: Владимир Викторович Орехов

— Если бы вам нужно было описать значение крымского периода для Пушкина тремя словами, какими бы они были?

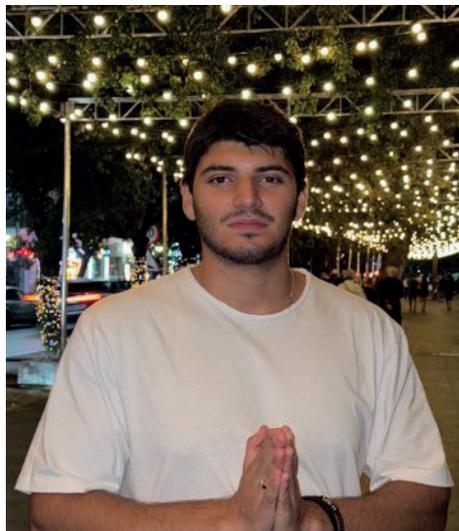
— Хорошо, что Пушкина никто не ограничивал в количестве слов. Ну ладно: свобода, море и творчество.

Полина ДРЕЕВА

Литературный Редакция журнала

Вёрстка и автор: Виктория Тихоненко

Автор: Гамлет Празян

Автор: Арина Гринёва

Главный редактор и автор: Полина Дреева

Автор: Владислава Резниченко

Руководитель проекта: Диана ПЕРВЫХ

Руководитель проекта: Алексей ВАСИЛЬЕВ